Пархам ШАХРДЖЕРДИ* / Parham SHAHRJERDI

Иран / Iran

КАК БЫЛ БЫ ВОЗМОЖЕН БЛАНШО? ИРАН: УНИЧТОЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Перевод И. С. Короткова**

Пархам Шахрджерди — иранский поэт, перводчик, член правления «Сообщества друзей Мориса Бланшо», основатель сайта «Пространство Мориса Бланшо». В тексте автор размышляет над тем, как возможен перевод какого-либо текста, при условии, что ни язык на который осуществляется перевод, ни социальная, ни политическая обстановки, по определенным причинам, не способствуют пониманию такого литературного факта как этот перевод.

Ключевые слова: *французская философия XX века, перевод, политика и литература*

How was Blanchot possible? Iran: The Destruction of Literature

Parham Shahrjerdi — Iranian poet, translator, board member of "The Society of Maurice Blanchot's friends", founder of the site "The Space of Maurice Blanchot". In this essay, the author questions how a translation could be possible under conditions where neither the language, nor the social and political horizon are suitable for such a translation, due to specific, mitigating circumstances. The essay attempts to help readers comprehend such a literary piece, as a translation.

Key words: *French philosophy of the 20th century, translation, politics and literature*

В Иране, на персидском языке, я не могу говорить о Морисе Бланшо без упоминания политики. Этот вопрос не о политических работах Бланшо, но о политике литературного пространства, вид которого его работы приняли. Редко встречается речь, в которой политика значительно влияет на литературный процесс, за исключением стран, где смущающее умы присутствие политики выталкивает язык и литературу к пределам кромешного [désastre].

Я не могу говорить о переводе без анализа обстановки и некоторого чувства тревоги. Тревоги перед определенным видом дезинформации. Как сегодня можно говорить о Бланшо на языке, в культуре, в стране, где он не известен? Проблема известна. Пьер Бурдье говорил о ней в своей книге «О телевидении». Сегодня все стало теле-визуальным: на телевидении, в печатных изданиях. Средства массовой информации, к вящему страданию иранского общества, только и делают, что проводят [passer] образы. Образ — это то, что проходит [passe] (циклично). Все в образах, однако истина ускользнула от образа. Имеются истины не визуальные: «И без сомнения наше время... предпочитает образ самой вещи, копию оригиналу, репрезентацию реальности, видимость бытию... То, что священно для него — это не иллюзия, но мирское, это истина. Скорее, священное возросло в его глазах так, что приуменьшило истину и возвеличило иллюзию, настолько, что священное щедро заполнило иллюзию и также для него иллюзия заполнила и священное»[1].

Я осмелюсь говорить о трудностях, которые известны всем: перевод — это действие невозможное. Мы никогда не переводим: мы пере-писываем, пере-рождаем, вос-создаем произведение. В этом смысле, перевод работ Мориса Бланшо, отличающихся своей исключительностью, является опытом, который состоит в порождении нового литературного пространства,

* Пархам Шахрджерди — основатель сайта *Пространство Мориса Бланшо* (www.blanchot.fr) и многоязычного журнала *Poetrymag*. Переводчик Бланшо на персидский («Безумие Дня», «Ожидание Забвение»). Редактор основных трудов современной иранской литературы (запрещенных цензурой) и, на персидском, работ Ж. Бодрияра, Ж. Батлер, Ж. Делеза и Ж. Батая. Автор рассказа «Прошедшее завершенное моей смерти», биографии «Одиссей из Бамдада» (о современном иранском поэте Ахмаде Шамлу) и др. Периодически занимается фотографией, работает для проекта «Грядущая фотография» [La photo à venir]. Сайт: www.parham.fr.

** Пер. Короткова И. С. выполнен по изданию Parham Shahrjerdi, *Comment Blanchot serait-il possible? Iran: on tue une literature,* Blanchot dans son siècle. Paragon/VS, Lyon, 2009. Это текст выступления на коллоквиуме в Церизи в июле 2007. (Прим. перев.).

[1] Фейербах Л. Сущность христианства. Предисловие ко второму изданию. http://gold-philosophy.ru/perv245.html Режим доступа 28.03.2012.

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.

способного принять в себя это письмо. Новое письмо, без предшественника, входит в язык, в данном случае на персидском.

Нет, я не переводчик. Я никогда не переводил. Для меня переход произведения в другое пространство литературы, в другой язык — это акт создания и свидетельства. Свидетельствовать о том, что еще не существует, что еще не имеет места, не известно, не доступно. Затем делать его возможным.

Я хотел бы поговорить об этом литературном пространстве, которое нам остается неизвестным.

Да, говорить о Бланшо в такой стране как Иран, на таком языке как персидский — это вещь исключительная, видимо невозможная.

Как возможно произведение Мориса Бланшо на другом языке, на языке другого, на иностранном языке?

Иностранец, каковым я являюсь, моя страна, мой язык находятся в странном положении. В наши дни мы, не переставая, говорим об Иране. Почему? По причинам политическим, игнорируя все, начиная с языка, культуры, литературы. Сегодня говорят о приеме, который оказала эта страна работам Мориса Бланшо, в том числе и всем другим работам.

Считается необходимым позволить себе очароваться экзотикой, тем, что далеко — далеким, неизвестным и обворожи-вающим. Это случай когда иранские произведения искусства были представлены за рубежом (то есть на Западе). Как эти произведения (кинематограф, фотографии..) могут быть поняты? В каких условиях произведение обретает форму?

Кажется, что условие создания, производства, публикации вовсе не интересует зрителей и читателей.

Но, если мне надо говорить о переводе Бланшо на персидский, то этот вопрос не может обойтись без анализа политического и социального климата, царящего в этой стране, в этом языке. Действительно, существуют страны, где акт письма не является вещью очевидной. Да, есть страны, где письмо — это отсутсвие письма (какое-нибудь письмо, которое ничего не говорит, ничего не меняет, не беспокоит, не ставит никаких вопросов). С другой стороны, там может иметь место другое письмо, где письмо вызывает на себя опасность, риск.

Я не переводчик, но я перевел Бланшо. Перевел как некое свидетельство.

Позиция, которую заняли иранские работы по отношению к иностранным, страдает от чрезмерной простоты. Действительно, мы забываем, что продукты культуры, обнаруживаемые то здесь, то там, выбираются за неимением более подходящего.

Как литературное произведение издается в Иране?

Как только произведение закончено, рукопись следует передать издателю. До этого момента — ничего необычного. Издатель какое-то время читает текст. Возникает ряд вопросов: как продавать эту книгу (если это не *бестселлер*)? Есть ли вероятность получить разрешение на публикацию? С этого момента все уже не так.

После подготовки оригинал-макета книги издатель в обязательном порядке должен его предоставить в министерство со странным названием: Министерство культуры и исламского руководства [guidance][2].

В этом министерстве группы «читателей» погружаются в исследование рукописи. Так начинается цензура, так литература разрушается, так в этом министерстве «Культуры» вмешиваются в воображаемое: не переходить моральных границ, то есть тотальное и абсолютное отсутствие тела, телесного, без искушения, без сексуальных отношений, без каких-либо намеков, письмо без тела, которое само не выбирает такой способ бытия, оно приговорено быть таковым. Итак, это письмо без тела не имеет права критиковать религию и религиозные системы, которые правят в стране: не критиковать ислам и его обычаи, не противоречить высшему руководству. Это особа, которая обладает всей властью, наследник Хомейни, следующий путем своего предшественника, не колеблется в усилении цензуры в прессе и других печатных изданиях. В этой стране политическая партия не может существовать без принятия существования, то есть вездесущности, подлинного религиозного диктатора. Выборы президента Республики Иран — нечто странное. На самом деле, президент избирался на основе всеобщего избирательного права, но все кандидаты проверялись Советом Экспертов. Следовательно, люди не могут голосовать ни за кого, кроме как за элиту этого Совета. Стало быть, неизбежно президент Республики близок, даже очень близок Высшему Руководителю. Время от времени этот фасад демонстрирует свою лживость. Во время выборов Хатами в 1997 году то тут, то там был заметен огромный энтузиазм. Западные средства массовой информации, не переставая, представляли их как часть реформ, которые установят демократию, свободу выражения, гражданское общество, диалог цивилизаций. Но что произошло на самом деле? Министерство Информации этого президента растерзало хладнокровие писателей и интеллектуалов страны. Никогда столько журналов не было закрыто, как в эпоху Хатами. И я, опубликовав в эту эпоху биографию современного иранского поэта Ахмада Шамлу, стал свидетелем жестокой цензуры по отношению к моей собственной книге, когда среди всего прочего убрали половину текста, оценив ее как не соответствующую ценностям страны. Когда я читаю иностранную прессу, я вижу этот разрыв между реальностью, которую мы проживаем в Иране, и тем, как она представлена в средствах массовой информации. Особенно болезненно наблюдать, как экономические интересы заставляют французского экс-премьер-министра Доминика де Вильпена уступить Ирану и выражать свое удовлетворение в продвижении Ирана в вопросе по правам человека. Подчеркнем, что в эту же эпоху, как стало известно, Иран стал страной с наибольшим количеством заключенных журналистов. Добавим к этому тяжелую цензуру, смертную казнь, убийство интеллектуалов, неизбежный занавес... Где на самом деле права человека?

Во Франции чрезвычайно трудно найти издателя для публикации книги, в Иране, напротив, мне всегда легко удавалось найти издателя, — но это не означает, что опубликоваться будет просто. Первый издатель, который принял у себя рукопись «Безумия дня», тут же согласился ее издать. Контракт был подписан в июле 2004 г. Пришлось ждать до марта 2007 г. пока книга, в конце концов, оказалась в продаже. Избрание нового президента Республики в эти годы лишь увеличило время ожидания. На некую группу читателей, не специализирующихся на французской литературе, и не знающих современную

[2] Автор использует guidance, вместо, допустим, education. Guidance буквально — руководство трудновоспитуемыми людьми. (Прим. перев.)

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.

иранскую литературу, была возложена проверка перевода и введения, которое я посвятил жизни и работам Мориса Бланшо. Проходили недели, месяцы, годы, прежде чем было получено разрешение на публикацию. Книга была издана: без изменений, никаких изъятий.

Оказывается, что во Франции мы не прекращаем совершать *неверных шагов*[3]. Иранская литература, иранское пространство литературы — это часть моей жизни. До настоящего времени эта литература вырвана, изгнана, отвергнута. Некий вид непризнания, иногда неведения иранского искусства и литературы сбивают с толку истинное познание этой культуры. Читая прессу и просматривая телепередачи, возникает впечатление, что кое-что знаешь об этой стране, но в итоге понимаешь, что совершенно ничего не знаешь.

Это достаточно тяжело, при том, что представители культуры во Франции, оставаясь при своем непризнании, видят свое неведение, доказывают свое желание познакомиться с иранским искусством. Правда, самые важные работы современной иранской литературы никогда не были переведены, наиболее величественные споры в литературе и посредством литературы никогда не были представлены. Эволюция литературы после революции 1978 года никогда не была засвидетельствована. В стране, где цензура отнимает все возможности для созидания, зародилась альтернативная литература, тайная литература. Во Франции в каждом выходе из печати (журнала, специального издания…), в каждом событии (Весна поэтов…) представлены работы посредственные, и в переводах довольно-таки смехотворных. И что говорить о литературном обмене между Ираном и Францией под крылом знаменитого иранского министерства культуры, когда французские поэты отправляются в Иран для встречи с иранскими поэтами, не являющимися представителями подлинной литературы этой страны, и для участия в программе, которая носит название «Диалог с природой»! С какими поэтами говорят, тогда как настоящие поэты изгнаны с иранской медиасцены?

Что удивительно, так это то, как пылко принимаются работы, подвергнувшиеся цензуре, работы, переставшие быть таковыми, ставшие без-работными [désœuvrée], опустошенными, не благодаря себе, но благодаря Закону. Принятие этой работы от Закона, иными словами, означает отсутствие таковой: Иран, где литература уничтожена.

Я посвящаю эти страницы всему, что не было написано, что подверглось цензуре, было опровергнуто, подавлено, запугано, этому остановленному воображению, этому лишенному прав, этим изгнанным словам, этим изъятым жестам, этому забытому звучанию речи. Всем жизням обращенным в ничто, да, всем уничтоженным мыслям, которых никто не узнает, этому отсутствию распознавания, этому неведению. Всем ненаписанным историям. Этой оглушительной тишине, прошедшему и настоящему, перед всеми этими зверствами и репрессиями.

Здесь нет имени, нет даты рождения, нет даты казни (так как речь идет о политических заключенных). Здесь царит ничто. Здесь история остановилась.

[3] Faux-pas (фр.) — название одной из работ М. Бланшо (прим. перев.).

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.